

ТАК ЗАКОНЧИЛАСЬ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало на стр. 6–7

Церемония подписания акта была назначена на 10 часов по токийскому времени (в 2 часа по московскому времени). К 10 часам 2 сентября к “Миссури”, на котором развевались флаги союзных держав, первым подошел миноносец, на борту которого был генерал Макартур. За ним на линкор поднялись представители других союзных держав. Меня сопровождали генерал-майор авиации Н.В. Воронов, контр-адмирал А.М. Стеценко и переводчик. Американские матросы устроили нам бурную овацию — кричали приветствия, бросали вверх свои матросские шапочки. Это было выражение глубокой симпатии к Советскому Союзу, к его героическому народу, внесшему неоценимый вклад в дело избавления народов от фашистского рабства, в разгром японских милитаристов.

Вот так сын каменотеса из небольшого украинского села Косеновки Кузьма Николаевич Деревянко “попал” в Токио для подписания исторического документа.

На вопрос “Почему выбор пал на малоизвестного генерала?” мне, конечно, трудно ответить. Возможно, было учтено и то обстоятельство, что сразу после встречи наших войск с союзниками в Австрии я был назначен представителем Советского командования в Союзническом совете в Вене.

Когда мы поднимались на палубу линкора, ко мне подбежал Темин, специальный корреспондент “Правды”, пристроился сзади и негромко сказал:

— Мне не дают места для съемки.

— Следуйте за мной, — не оборачиваясь, сказал я ему.

Навстречу делегации Советского Союза вышел генерал Дуглас Макартур. Представляя членов делегации, я подчеркнул:

— А это корреспондент Виктор Темин, специальный фотограф Сталина.

— Где вам удобнее расположиться для съемки? — спросил я у Темина.

— Вот здесь, — ответил он и показал на площадку, где расположились представители американских средств информации.

— Надеюсь, вы не возражаете, — обратился я к Макарту.

— О’кей, — ответил тот и взмахом руки как бы отсек от Темина офицеров охраны, пытавшихся оттеснить корреспондента за оцепление.

Темина сделали отличные снимки, которые появились на страницах “Правды” и других наших газет.

После того как собрались все представители стран-победительниц, на маленьком катере доставили японскую делегацию во главе с министром иностранных дел Мамору Сигемицу — главного уполномоченного японского императора. Сигемицу под руки поддерживали два человека. Японская делегация поставлена напротив делегаций стран-победительниц. Низко опустив голову, Сигемицу стоял, опираясь на палку, поскольку у него одна нога была на протезе. Ноги он лишился задолго до войны, когда в Китае, во время парада японских войск, китайский патриот бросил бомбу в группу японских генералов. Среди них был и Сигемицу.

Обстановка, при которой происходила церемония, была очень простой. Небольшой стол, покрытый зеленым сукном, две чернильницы, два стоявшие друг против друга стула, микрофон. На столе разложены огромные листы с текстом этого документа на английском и японском языках.

В 10 часов 30 минут по токийскому времени подписание акта началось с “пяти минут позора Японии” — японская делегация должна была выдержать укоризненный взгляд всех присутствовавших в это время на линкоре. Перед подписанием выступил генерал Макартур. Затем он подчеркнуто небрежным жестом пригласил к столу японскую делегацию. По меткому высказыванию одного из журналистов, она была как бы группой, участвующей в похоронной процессии. Сигемицу подошел к столу, отдал палку секретарю и, сняв черный цилиндр, стоя, хотя возле стола был стул, начал подписывать акт. Вдруг Сигемицу нервно вздрогнул, его бледное лицо покрылось потом. И здесь ему не повезло — автоматическая ручка по какой-то причине не действовала. Догадливый секретарь быстро подсунил Сигемицу другую ручку, и тот, торопливо поставив подпись, тяжело вздохнув, отошел в сторону. То же сделал и начальник генерального штаба японской армии генерал Июшихидо Умэдзу, несколько замешкавшись перед тем, как подписать акт.

От имени союзных держав акт вначале подписывал генерал Макартур. Словно специально, он достал из кармана горсть авторучек и подписал документ с английским текстом одной ручкой, а японский текст — другой. Затем поставили подписи другие генералы.

Я находился в первой шеренге представителей союзных держав, и мне хорошо были видны лица членов японской делегации, стоявшей по другую сторону стола. Когда свою подпись под актом ставил китайский генерал, японцы даже не подняли глаз и не пошевелились, но подавленная злоба так и пробивалась сквозь неподвижные маски их бледно-желтых лиц.

Невольно вспомнился рассказ одного из очевидцев подписания представителями гитлеровской Германии Акта о безоговорочной капитуляции. Та церемония ознаме-

новала собой завершение войны в Европе, а сейчас ставилась победная точка под второй мировой войной. На землю пришел долгожданный мир.

Как только генерал Макартур объявил о том, что сейчас акт подпишет представитель Союза Советских Социалистических Республик, на нас обратились взоры всех присутствующих, фото и кинокамеры, в почти пятисот корреспондентов всех стран мира. Стараясь казаться спокойным, я в сопровождении генерал-майора авиации Н.В. Воронова и контр-адмирала А.М. Стеценко подошел к столу. Не торопясь сел, достал из кармана автоматическую ручку и поставил свою подпись под документом.

Вся церемония подписания акта продолжалась 45 минут и закончилась небольшим выступлением генерала Макарту, который заявил, что отныне мир установится во всем мире. В заключение церемонии над линкором “Миссури” пролетели американские бомбардировщики и истребители. Затем генерал Макартур пригласил делегации союзных стран в салон линкора, а японская делегация отбыла с актом на берег — она должна была передать его императору Хирохито.

Когда мы вернулись в свою резиденцию, я попросил Воронова и Стеценко сделать запись впечатлений о церемонии подписания акта и до позднего вечера был занят подготовкой текста донесения в Москву.

На второй день после подписания акта о капитуляции мы получили приглашение на открытие очередной сессии японского парламента. Открыть сессию должен был сам император, которому предстояло прочесть перед парламентариями текст Акта о капитуляции. Заседание было назначено на десять тридцать утра, мы приехали к десяти, но император приехал в парламента раньше нас, открыл сессию и ушел. На наших глазах разыгралась настоящая комедия: депутаты избегали разговоров о войне и поражении. Все говорили о том, что Японии выгоднее всего мирное процветание.

Один депутат поставил вопрос о том, что для поддержания промышленности необходимо возместить потери японских промышленников от войны и бомбежек. Другой обвинил японский народ в том, что он недостаточно был усерден в своих жертвах великим идеям императора и должен просить у него прощения за постигшее императора горе.

Трудно было поверить, что это заседание происходило на другой день после капитуляции.

На этой сессии мы ни разу не услышали слова “капитуляция”. Император подписал не указ о капитуляции, а “Указ о прекращении войны”. Когда мы спросили почему так неточно это название, то нам ответили, что на японский язык слово “капитуляция” иначе перевести нельзя, так как нет соответствующего иероглифа...

В конце сентября я был уже в Москве. Прежде чем представить доклад правительству, мне предстояло встретиться с начальником Генерального штаба генералом армии Алексеем Иннокентьевичем Антоновым.

Я знал, что А.И. Антонов был требовательным, принципиальным человеком, не любил поверхностных докладов и всегда требовал глубокого изучения того или иного вопроса. Хорошо зная эти качества начальника Генерального штаба, я тщательно и всесторонне подготовился к докладу. Все вопросы, которые могли возникнуть в ходе доклада правительству, были детально обсуждены вместе с генералом Антоновым.

30 сентября к 10 часам утра мы с генералом Антоновым отправились в Кремль. Проехав через Боровицкие ворота и обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, свернули к зданию, где находились квартира и рабочий кабинет И.В. Сталина. Поднявшись на второй этаж, через кабинет Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего вошли в приемную Сталина.

Долго ждать не пришлось. Звонок из кабинета Верховного Главнокомандующего означал разрешение на вход к нему. Зайдя за Антоновым в кабинет и увидев вышедшего из-за стола Сталина, я представился Верховному Главнокомандующему. Поздоровавшись, Сталин пригласил к столу. Здесь же, в скромно обставленной комнате, за столом уже сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства, приглашенные на совещание.

Антонов предупредил, что Сталин, слушая доклад, обычно прохаживается у стола. Поэтому докладывать нужно, не ожидая, пока он сядет. Еще Антонов предупредил меня, что не следует отходить от подготовленного текста, что-нибудь добавлять от себя, так как Верховный не терпел малейшего вранья или приукрашивания действительности. Особое внимание необходимо было обратить на точность формулировок. У Сталина было какое-то особое чутье на слабые места в докладах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал за нечеткую информацию.

Пока садились на указанные места и готовили документы, у меня была возможность рассмотреть Сталина, которого видел первый раз в жизни, да еще так близко.

После некоторой паузы Сталин попросил меня доложить о положении в послевоенной Японии в общих чертах и подробнее остановиться на вопросах об отношении японцев к союзникам, о состоянии вооруженных сил Японии, особенно о ее военно-морском флоте и о ряде других вопросов.

Начав доклад, я пытался встать, но Сталин жестом руки разрешил докладывать сидя. Волнение, которое я испытывал до начала доклада, постепенно ушло: я видел, что доклад слушают с большим вниманием. Изредка Сталин подходил к письменному столу, стоявшему в глубине кабинета, брал папиросу.

Когда доклад был окончен, Сталин попросил подробно рассказать о последствиях взрывов атомных бомб, сброшенных американцами на японские города Хиросима и Нагасаки. Я и к этому вопросу был готов и детально ответил на него, поскольку сам был в пострадавших от взрывов бомб городах и видел последствия этих варварских налетов. Показал и альбом фотографий, на которых были запечатлены результаты атомных взрывов.

Затем с разрешения Сталина я вышел из кабинета, а Антонов, предупредивший меня о том, что возвращаться будем вместе, на некоторое время задержался в кабинете Верховного Главнокомандующего. После того как мы вернулись в Генштаб, Антонов сказал, что Сталин и другие члены Политбюро остались довольны докладом.

На следующий день мне сообщили, что доклад в Политбюро одобрен и моя работа в Японии получила положительную оценку.

А потом мне предоставили отпуск — первый за многие годы...